18+

Юрий Меркеев

ВИЧ

Юрий Меркеев

ВИЧ. Повесть

«Издательские решения»

Меркеев Ю.

ВИЧ. Повесть / Ю. Меркеев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«ВИЧ» — это новая редакция повести «Дерево Иуды» о печальной судьбе первых ВИЧ инфицированных в России, основанной на реальных событиях. После принятия закона от 1 марта 2025 года первоначальный текст не проходил через цензуру. И тогда автором было принято решение переписать текст. В результате получилась не просто новая версия прежней повести, а, по сути, новая книга. С новыми героями и сюжетными линиями.

© Меркеев Ю.
© Издательские решения

Содержание

ВИЧ 6
Конец ознакомительного фрагмента. 18

ВИЧ
Повесть

Юрий Меркеев

© Юрий Меркеев, 2026

ISBN 978-5-0071-4921-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

18+

ВИЧ

Повесть

Нет лишних людей у Бога

У лишних людей Бога нет

1

Скорый поезд «Янтарь» подъезжал к очередной станции. В плацкартных вагонах было душно; съестные запахи, просачивающиеся сквозь поклажи, вызывали тошноту. Нервы ещё не успели натянуться, но уже ощущалась неволя долгой дороги. Час назад, когда поезд отъезжал от платформы Южного вокзала, под крышей перрона было зябко, сыро, невесело.

Начало весны. Неприятная смесь из мокрого снега, дождя и грязи, холодного пронизывающего ветра. А ещё — какой-то смутной тревоги ожидания. Весна всегда начинается с ожидания и беспокойства. Природа предлагает залоги, манит обещаниями, не всегда исполняет людские грёзы. Лучше покой. Удобнее твёрдость восприятия времени. Оно и без того зыбкое. Зачем эфемерность?

Поезд сбавил ход. Показались мрачные, темно-серые жилые постройки с остроугольными крышами, рыжая черепица которых омыта дождем до блеска.

Молодой человек, задумчиво смотревший в окно вагона, встрепенулся, с озабоченным видом быстро прошёл в тамбур. Заметил, что проводница достаёт связку ключей — закрыть на время стоянки подсобные помещения. Метнулся назад к своему месту, вытащил из сумки свёрток, бросился в другую сторону вагона в туалет. Закрылся, извлёк из свертка «машинку» со светло-коричневой жидкостью, зажал между ног кисть левой руки и… Вагон резко качнуло, пассажир выругался вслух матом. Не успел резиновый поршень коснуться донышка, как снаружи послышался лязг ключа. Ручка задрожала, задёргалась. Решительно, резко, громко. Потом в дверь постучали, и недовольный голос проводницы проскрежетал: «Другого времени не было?». Пассажир довёл дело до конца. Выбросил «машинку» в сливное отверстие. Вышел. Проводница недобрым взглядом окинула его с ног до головы и понимающе ухмыльнулась, открывая ряд золотых зубов. Пассажир не отреагировал. По отяжелевшим векам и стеклянному взгляду было понятно, что теперь он — вещь в себе.

«Готовьтесь, юноша. Нестеровская таможня», — процедила она.

— И что?

— Вам виднее.

Снова сверкнули в ухмылке зубы.

Странный пассажир вернулся на свое место и снова уставился в окно. Небольшая стычка с проводницей не выходила у него из головы. «Все люди враги», — подумал он, растирая ладонями слезившееся глаза. — «Нужно было сделать раньше. Наплевать. Главное — растянуть на дорогу. А там — будь что будет. Не теряй бдительности. И не забывай, что жалеть никто не будет. Не церковь».

Поезд остановился. Станция освещалась тусклыми желтыми фонарями, похожими на восточные головные уборы. «Вьетнамки» раскачивались в такт ветру, скупо проливая нездоровый желтушный свет. Мрак. Среди торопливо семенящих к вагонам пассажиров выделялись фигуры важно прохаживающихся людей, одетых в зеленую, как у военных, униформу. Для молодого человека эти люди были врагами. Он посмотрел на свое отражение в оконном стекле и увидел страх в тёмных провалах глазниц. Страх сидел глубоко, пробивался в зрачках, в запахе кожи, в тяжёлом дыхании. Юноша быстро пригладил на макушке ёжик коротко стриженных тёмных волос, наивно полагая, что придаст этим себе менее подозрительную внешность. Первое, что особенно отличало его от остальных пассажиров, был взгляд. Сильно зауженные зрачки величиной с маковое зерно и полудремотное состояние век делали его узнаваемым,

меченным. Да и одет он был своеобразно. На нём была чёрная потрепанная кожаная куртка, серый вязаный свитер с дыркой на рукаве, какие обычно оставляет на заснувшем человеке тлеющий окурок, потёртые расклешенные джинсы. Вещи старые, вышедшие из моды, купленные за бесценок в магазинах «секонд-хэнд».

— Таможня! — трубным зовом прогремел грубый мужской бас. — Из вагона никому не выходить. Приготовить билеты и документы.

Молодой человек вздрогнул, но уже в следующее мгновение в нём как будто включился защитный психический механизм. Страх исчез, точнее, опрокинулся навстречу неизбежности. Такое бывает, когда у загнанного зверя нет выхода, кроме прямого и честного взгляда на охотника. Такое бывает в замкнутых пространствах долгого ожидания и тревоги. «Терять нечего», — подумал он. — «Наплевать. Что будет, то будет. И всё на этом. Жалко. Не церковь, однако ж. Не жаль никого, себя включая».

Благородная звериная агрессия, которую он пробудил в себе магическим заклинанием «все люди враги» переплавилась в упрямую и хладнокровную уверенность фаталиста: от судьбы не убежишь. Жалко, однако ж. Ещё проводница с золотыми зубами. Наглая. Уверенная. Праведница, наверное. Из тех, что живут по уши в желчном довольстве и всех вокруг судят. И зачем эти золотые зубы? Именно они вызвали реакцию отторжения. Может быть, не в зубах дело? Нет там никакого бревна. Это всё моё, нервное. Знаю. Не в зубах дело. Я виноват. Не мог потерпеть. Нельзя терпеть. «Машинку» в мешке не утаишь. Наплевать.

Сидел прямо и был готов ко всему. Был одним оголенным пульсирующим нервом, человеком без кожи. Дотронься до него, и он побежит — не от страха, от боли. Нельзя трогать. Там рана. «Враги, враги, враги», — молчаливо повторял он, глядя перед собою невидимо. Как будто бранные слова стали молитвой. «Враги… не церковь». При чём здесь церковь? «Если ударят по левой щеке… Сразу в глотку. Зубы золотые, во всём понятные. Иначе капкан».

Таможенник медленно продвигался по вагону, сопровождаемый проводницей. Юноша сидел спиной к ним, но чувствовал этих людей кожей. Так бывает, когда замкнутое пространство и страх, опрокинутый навстречу *неизбежному*. Разминуться невозможно. Как двум поездам на одном полотне. Если только «не судьба». Господи, помоги. Господи? Да. Не церковь. И не зверинец. Только поезд, из которого некуда бежать. Почувствовал уплотнившееся пространство после того, как сидевший напротив него сосед засуетился, вскинул беспокойный взгляд наверх и лихорадочно завозился со своими котомками, вытаскивая оттуда билет и паспорт. Свои документы молодой человек уже приготовил, они лежали на столе. Небритый седой старик напротив смотрел на свои жилистые пальцы. Молчал.

«Куда путь держите? Что везете?» — упал голос сверху.

Рослый краснощёкий таможенник встал напротив подозрительного пассажира, загородив огромной фигурой проход. Рядышком, улыбаясь во весь рот, стояла рыжая проводница и не сводила глаз с сумки молодого человека. Таможенник взял документы и принялся их изучать.

— Жигулёв Андрей, — пробормотал он. — Тысяча девятьсот семидесятый. Прописка калининградская. Так. — Он сложил документы и бросил на стол. — Куда направляетесь, Андрей Викторович?

— В Москву, — глухо ответил пассажир.

— Зачем?

— Разве допрос?

— Пока нет.

— Тогда разница какая?

— Вы ответите?

— К жене и теще. На Пасху.

Проверяющий ядовито улыбнулся. Круглое красное рябое лицо как будто натянулось от попытки улыбнуться шире: ещё немного, и шарик лопнет. Таможенник откашлялся. Тяжело, нездорово, с хрипом.

— Значит, похристосоваться? — спросил он. — Что везёте?

И посмотрел на сумку.

Подчёркнутое обращение на «вы» не сулило ничего доброго. Кроме того, таможенник завис над Жигулёвым вместе с проводницей, и как будто не собирался особенно досматривать остальных. Люди в вагоне почувствовали, что сейчас может что-нибудь произойти, и с нескрываемым удовольствием и любопытством разглядывали пассажира.

— Оружие, иконы, наркотики есть? — важно спросил проверяющий.

— Нет.

— Со мной пойдём, — склонился таможенник. — И сумочку прихвати. Будет досмотр.

Переход на «ты» означал, что всё только начинается. «Золотые зубы» порхали рядом. Было очевидно: проводница указала на подозрительного пассажира.

Таможенник отвёл Андрея в купе проводников и закрыл дверь изнутри.

— Ну что, Жигулёв, вопрос повторить? — Мужчина в форме присел на раскладной столик, отчего край его под тяжестью тела прогнулся. — Запрещённые препараты есть?

— Откуда?

— А руки в татуировках, откуда? — насмешливо спросил таможенник. — А дорожка на венах? Как там у вас? Столица Австрии? Ты думаешь, я этого добра за годы службы не насмотрелся? Зрачки как иглы. Это пока. А через пять часов как? А? Молчишь? Ваш брат никак в толк не возьмёт. Чем раньше, тем лучше. Какое у тебя будущее, скажи?

Таможенник грубо схватил сумку и начал бесцеремонно копаться. Найдя клочок грязной бумаги из-под пустой упаковки димедрола, он торжествующе помахал им перед носом пассажира.

— А на это что скажешь?

— Ерунда. Пустой фантик.

— Это не пустой фантик. Это след. Карманы выворачивай, — приказал мужчина, продолжая ковыряться в поклаже. Жигулёв подчинился. Спокойствие пришло с пониманием — таможенник ничего не найдёт. Хорошо, что успел. Славно, что в последний момент заскочил в открытую дверь туалета. Слава Богу.

Человек в форме озадаченно смотрел на пассажира.

— Носки.

Жигулёв снял носки, показал кроссовки. Ничего.

— Признавайся, куда спрятал? Я ж тебя наизнанку выверну.

Жигулёв ничего не ответил. Стоял спокойно. Понимал, что предъявить нечего. Протокола не будет.

Мужчина приоткрыл дверь купе. Снаружи стояла проводница. Вид у неё был растерян, надменность законницы выветрилась. Таможенник недовольно покосился на неё и вновь обратился к Жигулёву.

— Ну, хорошо, что будет через пять-шесть часов, когда тебя начнет ломать?

— Я еду в Москву, — повторил он упрямо. — К жене и тёще для того, чтобы…

— Похристосоваться? Ничего лучше придумать не мог? Сейчас сниму тебя с поезда, посажу в камеру по мелкому хулиганству. Мол, обгадил вагон, матом ругался. Свидетелей найду, не сомневайся. Ты понял?

Жигулёв отвернулся, прикусил нижнюю губу. Минута уплотнилась до боли. Таможеннику нужно было демонстрировать власть. Пусть. Главное — поезд, который уже не казался замкнутым пространством. Напротив, хотелось остаться в нём, как в убежище. И проводница теперь была какая-то своя. Не враг. Таможенник тоже выглядел совсем не страшно. Точка в

конфликте должна быть поставлена. Жигулёв понимал это и смиренно ждал завершения. Не дерзил, хотя поводов в другое время было бы предостаточно. Но не сейчас.

— Понял? — ещё раз спросил человек в форме.

— Понял.

— То-то!

Мужчина победоносно выдохнул и велел пассажиру складывать вещи обратно.

— Сегодня повезло, — проговорил он. — Нашего фокстерьера командировали в аэропорт. Он бы нашёл. Что-нибудь обязательно нашёл бы.

Под любопытные и настороженные взгляды соседей Жигулёв вернулся на свое место. Вскоре поезд тронулся.

Вновь замелькали влажные черепичные крыши. Кое-где на домах прочитывались старинные немецкие надписи, выполненные в готическом стиле. Так и не успев разрастись, приграничный городок закончился, опрокинулся в туманную даль, высветил зелёную речку. Появились аккуратные хуторские домики, пластилиновые ветряные мельницы, водонапорные башни вишневого цвета с гнездами аистов на куполах. По внешним признакам мало, что изменилось, но почему-то чувствовалось, что это уже не Россия.

— Молодой человек, — услышал Андрей голос соседки по вагону. — Что они у вас искали? — Женщина снизила голос до шепота и заговорщически прибавила: — Однажды они хотели забрать у меня янтарные бусы, представляете? Только потому, что они у меня были в сумочке, а не на шее.

Жигулёв обернулся на голос. Пожилая полная дама с круглыми, навыкат, глазами, свесила вниз голову с верхней полки, отчего лицо ее в свете вагона казалось багровым китайским фонарем. Это была типичная «челночница», которая большую часть года проводила в дороге. У Андрея не было желания заводить с ней разговор.

— Они приняли меня за маньяка, который изнасиловал двадцать пять женщин в Калининграде, не слышали? — отчётливо прозвучал в тишине его голос. Соседка вздрогнула, голова ее мигом исчезла. Жигулёв с вызовом посмотрел на всех, кто желал повторить её опыт. — Настоящий маньяк пойман. Они извинились за ошибку.

Наступила тишина. Старик, который сидел напротив Андрея, начал выкладывать на стол продукты: хлеб, лук, колбасу, копчёное сало. К духоте вагона прибавился не слишком приятный запах домашней копчености. Андрей вышел в тамбур покурить. Когда вернулся, старик складывал большой охотничий нож, которым резал продукты.

— Дорога дальняя, — проворчал он, не глядя на Жигулёва. — Если хочешь, ешь.

Андрей отрицательно покачал головой. Даже в мелочах он предпочитал не быть никому должным. Немного подумав, он отправился к проводнице за чаем. Рыжая вздрогнула и опустила взгляд, когда, открыв на стук дверь, нос к носу столкнулась с «подозрительным пассажиром».

— Что вам? — засуетилась она.

— Мне чаю покрепче, — Андрей просунул голову вглубь её купе.

— Идите на место, пожалуйста. Я вам сама принесу, — ответила она ангельским голосом.

Через минуту Жигулёв пил чай вприкуску с сахаром и весело наблюдал за тем, как проводница старательно делает вид, что куда-то сильно торопится.

За окнами была непроглядная чернильная темень. В поезде включили ночное освещение, кое-кто из пассажиров начал укладываться спать. В вагоне началось особое ночное движение: откуда-то появились поддатые дембеля, которые чуть не каждые пять минут выходили покурить в тамбур, о чём-то шумно спорили, играли на гитаре, хотели с кем-то подраться, сблизиться с красивыми девчонками. Из других вагонов потянулись одинокие фигуры в ресторан. Зашипела радиоточка. Под стук колес Андрею причудилась песенка из репертуара Чижа: «*Снова поезд. Сегодня на север, ну а завтра на юг. Снова поезд. Замкнутый круг*». Жигулёв

улыбнулся. В его поездке было много из того, что называется замкнутым, точнее, штрафным кругом. Беги, Жигулёв, пока можешь бежать. Снова поезд.

Бежал Жигулёв от прошлой жизни, которая наградила его диагнозом. Стал меченым человек, который стремился к свободе. Жену и тёщу в Москве придумал. Первое, что пришло в голову, когда увидел перед собой офицерский китель таможенника. Жена была. В прошлом. Осталась в Калининграде. В Москве никого не было. Из Москвы он намеревался отправиться в Нижний Новгород к родне по линии отца. Когда врал про Пасху, на деле получалось, что отчасти говорил правду. Суд над ним был назначен на пятницу, а она совпадала со страстной неделей. Жигулёв придумал себе некую психологическую защиту: меня должны осудить в день, когда был распят Христос, а, значит, могу попробовать выскочить из плена. Получилось. Купил билет в день отправления — в пятницу — и рванул из пут прошлой жизни. Она была непутёвая. Распутная. В идеале хотелось всё забыть. Если бы существовала такая пилюля, после которой высвобождаются мозги от тяжких воспоминаний, он непременно воспользовался бы ей. Однако, память — цепкая штука. Где-то в церкви однажды Андрей услышал в словах молитвы просьбу к Богу «избавить от лютых воспоминаний», и впервые тогда подумал о том, что прошения верующих содержат много здравого смысла. Он сам не раз повторял про себя огрызок молитвы, в котором содержалась суть его бегства, ибо бежал он от самого себя, иначе говоря, от лютых воспоминаний. Ну, и от тюрьмы, конечно.

Вытравить из памяти хотелось многое, но пока получалось лишь заглушать нервные позывы к раскаянию, которое он не осознавал, потому и мучился. Привык держать всё в себе, никому не доверяя. Никогда не плакал, считая это уделом женщин. А внутренние

шторма гасил проверенным средством — ядом, полученным из «*папаверсомниферум*», который, по верному выражению таможенника, уходил в столицу Австрии.

В церковь ходить? Пока не *обабился.*

В поезде погас ночной свет. Угомонились дембеля, умолк магнитофон с песенкой Чижа, лишь стук колёс да чьё-то похрапывание нарушали тишину. Андрей разобрал верхнюю полку и, не раздеваясь, лёг, подложив под голову сумку. Уверен был, что не заснёт. Несмотря на физическую усталость. Энергия побега кипела в нём. Да и диагноз жалил неопределённостью. ВИЧ. От этих букв шарахались, как от проказы. Потому что вирус прошёл самую скверную мутацию — через любопытные мозги журналистов и сплетни, — и стал не только медицинским термином, но взрывным, социальным, опасным. ВИЧ произносили с придыханием и тут же изобретали страшилки о безнадёжных носителях. Что делать? Люди устроены так: всё новое и неопределимое вызывает ужас.

В вагоне стало жарко. Жигулёв стянул свитер и остался в футболке с короткими рукавами. Все его руки, начиная с запястья и заканчивая локтевым сгибом, были исколоты: следы от свежих и старых инъекций дорожками бежали по коже. *Бег, бег, бег*… Руки были крепкие, жилистые, рабочие, а лицо — худощавое, тонкое. На левом плече темнела небольшая татуировка — копьё в форме креста пробивает змея. Рисунок был похож на символику Георгия Победоносца… только без самого Георгия. На локтевом сгибе левой руки в центре расположился большой паук, сбросивший паутину вдоль венозных русел. Паук воспалился, кое-где пошло нагноение. Жигулёва это не беспокоило. Он знал, что тело заживёт быстро, если начнёт поправляться душа.

Когда именно и от кого Жигулёв подхватил ВИЧ, он не знал точно. Догадывался. Возможно, от проститутки, с которой двигался одной машинкой, возможно, от кого-то из знакомых. На пятачке, где варилась жизнь *непутёвых*, никто друг у друга справки не требовал. Так, иногда спросят для проформы, не болеешь ли, и, услышав естественное «нет», раскидают лекарство одной машинкой по разным венам… А там — хоть трава не расти! Главное — *раскумариться*.

Крайняя страстная неделя его перед судом и бегством была совсем не церковной. Пятницу Жигулёв держал в уме как точку отсчёта, как вымышленную величину, от которой можно было психологически оттолкнуться и броситься от возможного пленения. То, что ему светит реальный срок по «народной» 228-й Жигулёв знал. Перед судом на подписке о невыезде он общался с адвокатом, и тот предложил готовиться к худшему. Логика была проста: носители ВИЧ, этого страшного социального зла, которое может быстро распространяться, как цепная реакция, и вызвать протест, становились не просто подсудимые, а «единичками дурной статистики», за которыми необходим государственный глаз. И Андрей это почувствовал на предварительном следствии. Слишком аккуратно и вежливо велись допросы. А по сути-то Жигулёв был пойман оперативниками уголовного розыска на выезде из цыганского посёлка, где в очередной раз затаривался «соломой». На него навалились трое в гражданском, скрутили, нацепили наручники, но он успел раскидать «соломку» по тротуару. Ветер помог смести большую часть незаконной травы, а горстку, собранную одним из полицейских, сунули Жигулёву в карман. Рейд производился сотрудниками транспортной полиции, линейного отдела морского торгового порта, территориально расположенного в километрах от цыганского поселения. Очевидно, что оперативники сходили за «палками», прибавками к зарплате. Но Жигулёву от этого было не легче. Как-то он сумел в камере уговорить дежурного следователя отпустить его под подписку о невыезде. Уговорил после того, как его свозили на освидетельствование в наркологический диспансер и получили результаты анализа крови — ВИЧ. Помог страшный диагноз. Девушка-следователь не знала, как вести себя с носителем ВИЧ и согласилась отпустить под подписку. А дальше — штрафные круги вокруг «пятачка» у кинотеатра «Родина», и постоянные поиски лекарства. Да. Перед отъездом Жигулёв озверел. Он решил уехать из города, но деньги всегда были на пределе. Помогали родные и друзья. А на лекарство он «зарабатывал» сам. Как умел. Отключая совесть. Иначе «пятак» давно бы выбросил его из поля своего притяжения как инородное тело. Жигулёв от природы был крепкий, двужильный, спортивный. И когда было совсем тяжко, он отнимал лекарство у тех, кто был слабее. На «пятаке» царили законы джунглей.

«Пятак» располагался рядом с кинотеатром. Тут же была трамвайная остановка и церковь. Таксисты гнездились с тыльной стороны «Родины». Не прочь были заработать на извозе покупателей. Таких было много. Особенно утром. Перед работой приезжали клиенты с деньгами.

Разные клиенты.

Одних можно было «уговорить» поделиться частью купленного, по-братски, по-волчьи, по-человечески. Говоря иначе, по-хозяйски, как часть целого. Потому что Жигулёв врос в «пятак» плотью и кровью, слился с ним воедино, как сливаются в церкви причастники божьей благодати. Тут была благодать ложная, лукавая, дьявольская, втягивающая в паутину. А там — настоящая. Рядышком. Стоит лишь пересечь аллею с тополями и зайти в храм. Но — стоп! Никогда не переступал порог церкви Жигулёв, когда ему было хорошо, когда он успел «причаститься» от иной чаши, влить в себя иную «благодать». Тогда сужались не только зрачки, но и мир видимый. Превращался в узкую щелку блаженного бытия, проникнуть сквозь неё было всё равно, что пролезть через игольное ушко верблюду. Именно так воспринимал себя «причастник пятака». Если попытаться влезть ещё глубже в маячившую перед взором щель, то вынесет в самые заоблачные выси, туда, где стоит на страже райской обители архангел Гавриил. Пробраться окольным путём в рай означало… А Жигулёв хотел жить. Может быть, поэтому входил иногда в церковь робко, с почтением к невидимому Богу лишь тогда, когда всё в нём разваливалось на части, хлюпало без сил, разгоняло немощь и слабость. Когда «ломало», Жигулёв изредка заходил в храм, что-то слышал отдалённо, как из другого измерения, какие-то робкие всполохи иного бытия, тихого, неспешного, счастливого. Как будто и не всегда. Потому что его представления о счастье были сугубо плотскими. Есть лекарство — счастлив человек.

Нет его — мир разваливается на части. О, если бы церковь давало такую же явную благодать, как лекарство, — думал порой Жигулёв и замирал от мечтательных рассуждений. Тогда бы и я стоял среди первых на службах, вместе с бабушками, стоял и славил существо, давшее мне благодатную милостыньку. Но так не бывает. Там нужна вера в *невидимое*, а Жигулёв был слишком земной человек, чтобы мысленно обращаться к небу. Взгляд его блуждал по земле. Цепко, хищно, бессовестно. Но иногда, редко, он всё же испытывал трепет пробуждающейся совести, и в такие часы рвался туда, где можно было получить опьянение. Срочно усыпить совесть. Иначе земля разверзнется перед ногами, и он рухнет прямиком в ад. В таких крайностях пребывал он часто. Особенно перед бегством от суда. Страстная пятница преображалась для него не просто в календарный день, но в точку отсчёта новой жизни. Тут не было пафоса. Был человек, бегущий по земле, которого обстоятельства заставили взглянуть на небо. Беги, Жигулёв, пока можешь бежать.

Перед дорогой ночь не спал. С трудом дождался утра, и, как был, в спортивном костюме, небритый, растрёпанный, помчался на пятак. Было около восьми утра. В храме начиналось богослужение, и церковный колокол призывал прихожан поторопиться. Жигулёв обогнал несколько богомольных старух, мысленно осеняя себя крестом, и выскочил на то место, где обычно располагались продавцы. Денег у Жигулёва не было. Отец взял с него слово, что он потерпит до отправления поезда, но состав отходил днём, а плохо было утром. Все деньги хранились у отца — такова была договорённость. Не удержался, не вытерпел, нарушил слово. Метнулся к Валере.

— Сколько?

— Пять.

— Без денег не дам. Сам знаешь, лекарство не моё. В любой момент приедут хозяева. Ищи пионера, старик. Они сейчас появятся. Дам тебе знать.

Жигулёв перешёл на противоположную сторону дороги, присел на корточки, закурил, внимательно вглядываясь в людей, снующих возле Валеры. Никого. Подъехало такси, оттуда вывалили ночные феи, увлекли за собой продавца, через пять минут он вернулся на место. Довольный. Очевидно, хорошо поторговал. После ночи девчонки щедрые.

Жигулёв смотрел на людей, как хищник смотрит из засады на дичь. Наконец, увидел молодого паренька с лицом смутно знакомым. Скорее всего, приехал из другого района за пайкой. Жигулёв пересёк улицу и направился к нему.

— Привет. За лекарством?

Паренёк боязливо покосился на него, вгляделся, признал.

— Да. Знаешь где?

— Знаю, — уверенно проговорил Андрей.

Подошли к Валере. Тот старательно делал вид, что дожидается трамвая. Заметив Жигулёва с клиентом, опередил вопросом:

— Сколько?

— Пятёрину, — ответил «пионер» и полез в карман за купюрами. — Нет, погоди, — сказал он, пересчитывая банкноты. — Пять с половиной. Солью Старому за помощь.

Валера усмехнулся.

— Широкий жест.

— Представляешь, продал хрустальную вазу, которую подарил матери на восьмое марта, — сказал покупатель не то с раскаянием, не то с бравадой.

— Лучше ты бы её украл, — ответил Валера. — Идите в сторону кочегарки, поглядывайте за хвостом. Сегодня здесь из управы крутятся. Я с человеком пойду впереди. А вы сзади.

У каждого продавца было свое потайное место, где прятался пузырёк. Когда покупатели начинали ворчать за длинный путь, Валера повторял одну и ту же фразу: «Подальше положишь, поближе возьмёшь».

Улицы были пустынны. Прихожан втянуло в церковь, как Иону-пророка во чрево кита. Полицейские были на утренних разводах.

Когда Жигулёв с «пионером» подходили к заброшенной кочегарке, Валера уже выносил пузырёк.

— Нет у него никакого человека, — сказал Жигулёв. — Врёт он. С человеком делиться надо, а у него внутри жаба.

— Кто у него внутри? — не понял паренёк.

— Жаба, которая душит.

Валера выбрал содержимое в «машинку».

Покупатель взял, посмотрел на свет, не плавает ли внутри какой-нибудь мусор, выдавил крохотную капельку на ладонь. Лизнул, убедился, что это лекарство, протянул Жигулёву руку.

— Спасибо.

— За это не благодарят, — сказал Андрей, увлекая за собою паренька. — Я тебе помогу сделать. Пойдём. В кочегарке не видно.

Они вошли в полуразрушенное здание. Оглядев мрачные стены, «пионер» присел на корточки и протянул «машинку» Жигулёву.

— Дам централку, — поспешно проговорил он. — Остальные забиты. Сможешь попасть?

Жигулёв заметно повеселел, приободрился.

— Браток, у меня стаж пятилетка. В синявку на мизинце левой ноги попаду с закрытыми глазами.

Руки у паренька были пухлые и белые, как у девушки.

— Послушай, старина, — обратился Жигулёв с жёсткими интонациями. — Мне наплевать, где ты достал деньги. Знаю, что достанешь ещё. Сейчас я тебе солью двушку, остальное заберу. Начнёшь плакаться, ударю.

Жигулёв слил чуть меньше половины в новую «машинку», остальное оставил у себя.

— Держи, сам себя удовлетворишь. Мне некогда. Поезд.

— Ты меня хочешь кинуть? — прошептал паренёк.

— Извини, брат, я тебя уже кинул.

Поезд качнуло на изгибе железной дороги. Жигулёв очнулся от набежавших воспоминаний и огляделся. Почти все пассажиры в вагоне спали. Только пожилая женщина за перегородкой жаловалась на кого-то своей соседке: «Вы не представляете, что после неё осталось! Всемирный потоп, вавилонское столпотворение. Я предупреждала. Гони её в шею. Обдерёт, как липку. Так и вышло. Но мы же умные задним умом».

Жигулёв невольно прислушался.

«И ковры, и мебель, даже велосипед… всё прибрала эта сучка. А мой оболдуй бесхребетный. Как телок. Как телок, ей-бооо. В любви воспитала. И вот тебе результат. Треснул бы кулаком по столу и прогнал бы стерву. Мать защитил. А он не может. Воспитание не позволяет. Так кто ж его воспитал? Я же и воспитала. Зачем я его так воспитывала? С детства сказки, обязательно добрые. От всего ограждала. Вырос красавец. И влюбился. В кого влюбился? Кто мог знать, что со страной сделают? Разве теперь добро побеждает? В сказках, если. И в сказках нет. Нельзя быть добрым сегодня».

— Нельзя, — соглашалась соседка.

Насколько было понятно из обрывков речи, женщина ругала своего сына, который женился наперекор её желаниям. В результате — развод и делёжка имущества. И, конечно, по мнению мамы, прав её сын, а невестка бывшая — хищница и сволочь. Как всё до банальности знакомо.

Женщина входила в раж, и голос её звучал всё громче и яростнее.

Жигулёв обвязал поездным полотенцем уши, но колкие фразы проникали и через вафельное полотно.

«Женщина любящая», — подумал он. — «Не Фемида. Глаза не завязаны. Судит по любви. Как богиня. К сыну. Меня тоже могла судить такая любящая женщина». Об одной из старейших судей района ходили слухи, что она даёт максимальные сроки по 228-й, потому что её сын не так давно скончался от героина. Должна была вчера вынести ему приговор. Адвокат предупредил, что готовиться нужно к реальному сроку. Плюс ВИЧ, плюс транспортировка в особо крупных размерах. Всё просчитали, вежливые люди, взяли зазор в худшую для подсудимого сторону (так бывает в судебной практике с новыми статьями УК) и приговорили бы, если бы Жигулёв не бежал. Он немного разбирался в том, как работает система: срочную службу проходил в войсках МВД, после демобилизации год проучился на юридическом факультете. Потом подсел на «солому», которая вытеснила из его мировоззрения иных богов — любовь, карьеру, физическое здоровье. Наплевать!»

Он повернулся набок, лицом к запотевшему окну.

Дурная кровь снова заговорила в нём. «Все люди враги. Почему они бывают так омерзительны? Мстят, наушничают, распускают слухи. Сами вынуждают относиться к ним без добра. Начнешь по-человечески, подождут, затаятся в недоумении, потом укусят. Так, для первой пробы. Не сильно и даже ласково. Чтобы не подумал огрызаться. Но погоди. Не ответишь сразу укусом на укус, начнут тебя обгладывать как гиены. А потом откровенно съедать — кусочек за кусочком, смакуя слабость, а на десерт душу выпьют как вино. Сие есть кровь моя, за себя пролитая… Сие есть тело мое, за себя ломимое. Ешьте, пейте — это ваш путь в никуда. И не дрогнут, вампиры. Разве можно любить ближнего как самого себя? Только терпеть, и то в случае, если не всматриваться в них слишком пристально. Под микроскопом вошь превращается в гигантского монстра. А сколько таких монстров шныряет по человеческим душам?»

«Все люди враги», — снова как заклинание мысленно повторил Андрей. — «Значит, жизнь свою нужно строить из этого нехитрого кодекса из одной заповеди. Хотя нет, какую жизнь? Её мало осталось. Жизнь — это медленное умирание. Стало быть, главное, умирая, быть свободным от людей… да, от людей, то есть от врагов. Не попадай в плен, старина. Вот твоя главная и первоочередная задача. Всё остальное приложится к этому. Сначала свобода, всё остальное потом… Сегодня на север, ну а завтра на юг…» — Глаза его потяжелели и стали слипаться. — « Никогда не говори никогда… И всегда тоже не говори, потому что свобода не может быть ограниченной понятиями никогда или всегда. Свобода человека — это свобода зверя в человек. Добра мало. Как там она сказала? Нельзя быть сегодня добрым? Наверное… А люди всё-таки монстры… И сам я… Сам я — кто?» — с яростью подумал Жигулёв и снова открыл глаза; от дремотного состояния не осталось и следа. — «Такая же тварь, как и все остальные. Только разлагаюсь быстрее и сильнее пахну. Через несколько часов наступит утро, и я буду потеть и вонять, как больной зверь, потому что у меня будет ломка».

Жигулёв стянул повязку со лба, отвернулся от окна и с раздражением посмотрел вниз, на торчавшие из-под одеяла босые ноги старика. Сам старик издавал отвратительный храп. — «Противно… Это я сейчас не воняю, — подумал он. — Лекарство бальзамирует тело, и на пять-шесть часов становишься», — он усмехнулся, — фараоном. А сегодня утром я стану куском гниющего мяса. Поздравляю тебя, человеческий полубог. Есть с чем поздравить».

В тревожном ожидании ломки Жигулёв был противен сам себе, ещё больше были противны люди, олицетворявшие толпу, которая не давал свободу. Дикая мысль, но оправданная логикой боли. Когда что-то болит, особенно, когда знаешь, что пройдёт время действия лекарства, и заболит снова, тогда уж точно во всяком ближнем увидишь врага. Не нужно магических заклинаний. И чем неприятнее перед взором вставали люди, тем острее он воспринимал их недостатки, а, стало быть, оправдывал свои.

Ближе к утру Андрей ненадолго заснул, но вскоре проснулся от того, что ему привиделось. Был чужой незнакомый город, по которому он бродил. На одном из перекрёстков подошли патрульные и попросили предъявить документы. Он сунул руку в карман, начал вытаски-

вать паспорт, и вдруг вместо паспорта из кармана вывалился целлофановый пакет с маковой соломкой. Жигулёв был в растерянности. Ведь это уже было с ним! Его хватали, заворачивали руки за спину, надевали наручники, сажали в полицейский уазик и везли в изолятор временного содержания. Потом допросы и ожидание результатов предварительного следствия. Во сне он не успевал раскидать «солому» по асфальту. И потому рисовалось мрачное.

И тут он проснулся в холодном поту. В вагоне сквозило. Посмотрел на руки: дорожка незаживающих ран была фиолетово-синей как у покойника. Порядком знобило. Жигулёв сполз с верхней полки и поплёлся в тамбур курить. Начиналась ломка. Мышление сузилось до одной величины: где и как помочь своему телу? Поезд превращался в замкнутое пространство ноющей боли. Ни о какой «столицы Австрии» думать не приходилось. По крайней мере, до Москвы. Только терпеть. Но и терпеть можно по-разному. Одно дело, в квартире в пяти минутах ходьбы до «пятака», где в любом случае находилось хоть что-то. Иное — в поезде, по пути в никуда, точнее, в неизвестность, которая окрашивалась в единственные положительные тона — свободы. Это и позволяло терпеть.

Состояние ухудшалось. Вернувшись в вагон, он вновь забрался наверх, накинул на себя кожаную куртку, попытался согреться. Без лекарства это было невозможно, кровь не грела. Чтобы отвлечься от ломки, Жигулёв представил себе людей, которые в данный момент могли о нём думать… Пожалуй, больше всех его исчезновение переживала Наташа, женщина, с которой он встречался после развода с женой. Наталья была влюблена в него. Странно. Пересеклись в университете, она училась на психолога. Какие-то редкие совместные прогулки, она брала его за руку, он не противился, но и взаимностью не отвечал, а Наталья всё спрашивала что-то о его прошлом, пыталась что-то объяснить, не осуждала. Наверное, это главное — не осуждала.

Перед отъездом признался, что ВИЧ инфицирован, но на Наталью это почему-то не произвело никакого впечатления. Во всяком случае, она и виду не подала, что испугалась. Напротив, стала относиться к нему нежнее. Когда он приходил домой после работы в кузнице, уставший и грязный, просил отца выдать ему ложку «соломы», заваривал в термосе, пил, как чай, вечером нередко в гости приезжала Наталья. Сидели у него в комнате, о чём-то говорили, потом Жигулёв шёл её провожать, и они проходили на остановку мимо «пятака». Он кивал Валере или другому продавцу, а Наталья брала его за руку и тихо поглаживала ладонь, как бы проверяя на терпение.

Однажды она сама поцеловала его в губы, видимо, для того чтобы дать понять, что между ними не существует дистанции, а он неожиданно сжался, скукожился, как трусливый мальчишка, стиснул зубы и не посмел ответить поцелуем на поцелуй. Боялся передать ей заразу, не знал, что инфекция таким путём не передаётся. Жил в гнетущей атмосфере апокалиптической лжи, которая лилась на калининградскую молодёжь с телевизионных экранов.

Психологически он не был готов к плотской любви. А впоследствии он, человек больше дела, чем рассуждения, и вовсе поставил крест на любовных отношениях. И однажды, разговаривая в нервном запале сам с собой, с горечью воскликнул: «Господи, я не могу позволить себе даже того, что могут позволить себе тараканы!». То был вопль ярости, бунта, но не смирения.

В вагоне трясло. От ломки и холода мысли путались. Мечталось об одном: поскорее добраться до Москвы и найти там лекарство. Раздражение Андрея было велико ещё и потому, что в кармане у него лежала толстая пачка денег, а лекарство купить было негде. Вероятно, примерно так выглядят мытарства души по выходу из тела. Жигулёв был опять в плену замкнутого пространства. Ближе к полудню он предпринял попытку согреться вином в вагоне-ресторане, но ничего, кроме приступов тошноты, это не принесло. Тогда он купил бутылку водки, взял с собой и глотал понемногу, когда отступала тошнота. Он часто выходил в тамбур, прикладывался к бутылке, тут же закуривал и ждал…

Подъезжали к Москве. Долго, растянуто, нудно. Вспухали серые громады остывших труб гигантских доменных печей — что такое кузница на Печатной по сравнению с пирамидами

столичных заводов? За окнами небо стало высоким, из земли выросли небоскрёбы, цеха, вертолётные площадки, стадионы. Надписи на каменных заборах сопровождали поезд хулиганскими приветствиями: «***, Федон, кажется, это не та планета!». Всё так, Федон, не та планета. Жигулёву была нужна «столица Австрии». А он пока приближался к столице России. Не та планета? Та, если в кармане есть деньги и знаешь, где на эти деньги купить. Андрей не знал. В Калининграде было просто: три точки, три главных района, где суетятся люди, три рынка. Жигулёв прилип к Балтийскому району, где находился дом. Но знал людей из трёх других. В Москве нужна была дерзость провинциала и осторожность зверя. Не то, что могли бы кинуть на деньги, хотя и это не исключалось. Возможен иной исход — более печальный: если его примут в полиции, тогда к сроку по 228-й прибавиться за попытку скрыться от суда. Поэтому Жигулёв, несмотря на ломку и выпивку, был одним натянутым нервом. Возможно, это считывалось с его лица. В тамбуре перед конечной станцией к нему прибился стриженный наголо мужчина с красноречивыми татуировками на пальцах, назвал братишкой, попросил водки. Хлебнул, внимательно посмотрел на Жигулёва, радостно пожал руку, приняв за*своего*.

— Я тебя помню, — сказал татуированный. — Ты на девятке чалился. Погоняло Паук.

— Путаешь, брат. Погоняло Паук. Но я на девятке не чалился.

— А я только освободился. Кенты собрали…

Жигулёву были неприятны подобные встречи — точно он везёт с собой в новую жизнь призраки прошлого. Он сунул попутчику остатки водки, сухо извинился, дал понять, что ему не интересно продолжение разговора. «Кент» всё понял, исчез с водкой в соседнем вагоне.

И снова ожидание.

Боже, как невыносимо длинна столица.

Наконец, поезд прибавил ход и въехал под крыши перрона.

2

В Москве было морозно, сухо и солнечно. Совсем не так, как в Калининграде.

Жигулёв сразу почувствовал, что ступил на столичную землю. Чтобы пройти в зал ожидания, требовалось заплатить какому-то человеку в форме. Шевроны мытаря были закамуфлированы, невозможно понять, к какому ведомству он принадлежал. На поясе висела кобура, вид у охранника был властный. От греха подальше Жигулёв платил всем. Чтобы не искушать судьбу. Туалеты внутри вокзала были платными. Тариф. Вне вокзала — тоже тариф. Продукты на лотках стоили в пять-шесть раз дороже калининградских. Впрочем, еда Жигулёва не интересовала. Ему нужно было срочно найти пятачок, где торговали лекарством.

Он нырнул в туалет, начисто побрился, подставил под струю холодной воды голову, вытерся, облился одеколоном, чтобы уничтожить запах перегара, почистил зубы. Немного отдохнув в зале ожидания, вышел на улицу со стороны пригородных поездов. Купил кофе и бутерброд, вогнал в себя горячую жидкость, бутерброд выбросил — не полезло.

Хотел спрятаться от толпы, но вновь оказался лицом к лицу с особенностью столицы: огромная пёстрая лента людей, где каждый, как в муравейнике, был занят своим делом, кипела, пенилась, переливалась через край, заполняя ещё не заполненные уголки привокзальной площади. От всего этого рябило в глазах, и предчувствие ещё большей усталости от шума столичной суеты навалилось на провинциала. Ещё немного — и он бы возненавидел первопрестольное «гостеприимство».

Возле киосков с музыкой Жигулёв приметил молодых парней, очевидно, ждавших пригородную электричку. Решил попытать счастья и подошёл к ним.

— Парни, где лекарство купить? — напрямую спросил он.

— Лекарство? — нахмурился один из них и недоверчиво покосился на незнакомца. — Ты вообще-то откуда?

— Издалека. Остался на кумаре. Помогите, парни, подогрею, денег не жалко. Если не верите, могу показать руки.

Молодые люди переглянулись. По всей вероятности, они и не думали, что он «засланный казачок», — так не загримируешь.

— Вообще-то тут не принято подходить и спрашивать, — заметил один из них. — Здесь полно мусоров. Мы тебе скажем, где достать, а дальше сам, идёт?

Андрей нетерпеливо кивнул.

— Доберешься до Н-й, выйдешь со стороны университета. Заметишь тёмных из дружбы народов. У них белое. Но ты сразу не гони. Посиди на лавочках, осмотрись.

— Это я знаю.

— А ещё на Лубянке. Старушки. Варенье, соленья, и кое-что в пластике. Короче, не потеряешься, если есть бабки. Можешь на Лубянку сразу. Там тоже… Аптеку увидишь. Туда иди. Лекарство дороже, чем у тёмных.

Жигулёв поблагодарил и направился в сторону метро. С собой у него была приличная сумма денег: часть дали родители, часть — добрая самаритянка Наталья, которая, несмотря ни на что, не хотела терять с ним связь. Основную сумму составляли его отпускные из кузницы. На работе не знали, в какую «трещину» он угодил. Ждали его возвращения. Заказов было много.

«Суббота… сегодня страстная суббота», — подумал Жигулёв, перебирая в памяти события последних дней. — «Значит, распяли, но ещё не воскрес. Добраться до Н-й. Как бы добраться? Уже распяли. Помоги, Господи. Взять и на вокзал. Поезд до Нижнего Новгорода скорый. А там проще».

По пути к Н-й Жигулёва не пропустил мимо ни один постовой. Полицейские считывали с его лица тревогу. Подходили, представлялись, вяло подкидывали руки к фуражкам и ждали, когда вместе с документами и объяснениями, что он делает в столице, Жигулёв достанет очередную купюру. Всякий раз он переводил дух, когда преодолевал мытарства с помощью денег, и благодарил мысленно Бога, который помогал ему оставаться «невидимым» для закона. Испытание. Нервы напряжены до предела. И только обращение к небесному помощнику както держало в тонусе. Мысли сконцентрировались на одном: крестный путь до тёмных, которые торговали белым, потом тяжёлый путь обратно с лекарством на кармане, и крайнее — привокзальный туалет и облегчение. Суббота. Уже распяли. И он пока не воскрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.